

УРОК ИСТОРИИ

С. ДУРЫЛИН

ГОЛЛАНДСКАЯ газета «Фрий недерланд», издающаяся в Лондоне, сообщила, что германские оккупационные власти запретили уроки истории в голландских школах.

Оказывается, «во многих школах Голландии учителя подробно разбирали крах наступления Наполеона на Россию для того, чтобы продемонстрировать своим ученикам неизбежность поражения гитлеровской армии».

Мы не были на этих голландских уроках, но мы понимаем, как мало они могли доставить удовольствия Гитлеру, который к тому же похож на Наполеона, как котенок на льва.

Нельзя сомневаться, что голландские учителя познакомили своих учеников с лживыми обращениями Наполеона к русским крестьянам: «Вы, крестьяне, снятый с поля хлеб и прочие сельские продукты привозите, как и прежде, в г. Смоленск, где в течение короткого времени, вследствие множества французского народа, получите весьма изрядные выгоды. Если же желаете какой-либо защиты, то обведите об этом, и вас французский

император примет под свое покровительство». А русские крестьяне на эти «вежливости» и «галантности» Наполеона отвечали тем, что разрушали свои избы, жгли сараи с сеном, угоняли скот и уходили целыми селениями в леса, в чащобы, организуясь в партизанские отряды.

«Никто не помышлял о покорности неприятелю с тем, чтобы оставаться в своих домах, бить ему челом. Ожидали его только с тем, чтобы в виду его спалить свои жилища. Имущество поценнее хоронили в погребах, под овинами и под клетями, в лесах, но топоры и косы приберегали на случай под рукой. Стали к нам приближаться переселенцы с тех мест, которые заняты уже неприятель. Толпы переходили с места на место, нередко по ночам освещаемые кострами, воздвигаемыми из собственных домов».

Когда это было — в 1812 или в 1941 году?

Это рассказывает И. И. Лажечников, новобранец 1812 года, но Гитлер-то знает, что этот рассказ повторяется в тысячах донесений его генералов и полковников, принужденных против своего желания свидетельствовать о непоколебимой воле советского народа.

Офицер наполеоновской армии Ложье пишет про партизанские отряды, что их «смелость невероятна. Они устроили засаду в лесах, недалеко от места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы нападать на изолированные группы, на повозки».

Наполеоновский офицер пишет это из-под Наро-Фоминска. Но это ме-

сто отлично известно и гитлеровцам: там сжимало их такое кольцо партизанской войны, что им пришлось бежать.

«Отступление должно начаться нынешним вечером, — пишет тот же офицер из **Малоярославца**. — Отдан приказ сжигать все, что мы ни найдем на пути».

Не такой ли точно приказ отдавали немецкие людоеды, отступая из того же Малоярославца и из множества других городов и селений, окружающих Москву с запада?

«Мы оставляем справа от себя город **Боровск** весь в огне, как и большинство тех селений, которые нам приходится видеть на некотором расстоянии... Мы переходим **Протву** выше **Вереи**, которая пылает».

Эти записи могли бы быть из дневника немецкого офицера, отступающего в 1941—1942 годах из захваченных по приказу Гитлера подмосковных городов, — а записи эти взяты из дневника, который вел Цезарь Ложье в 1812 году.

Из этого же дневника можно взять (и, вероятно, голландские учителя их взяли!) несколько картин, очень напоминающих немецкое отступление в 1941—1942 годах:

«Это отступление... произвело на нас самое тяжелое впечатление. Мы начинаем считать себя окруженными опасностями. Грошадность пути, полная опустошенность страны, через которую мы переходим, обескураживает нас... Ни соломинки нельзя найти в полях и в деревнях... В Верее взорвано несколько зарядных ящиков, в Колоцком монастыре в первый раз разбили и бросили пушки. Мы проходим по

местности, совершенно опустошенной. Слева — русская армия; справа — многочисленные сотни казаков; всюду — вооруженные крестьяне местных деревень... Страшные биваки! Ужасные ночи! А холода становятся все сильнее и сильнее!». Становятся все сильнее и сильнее!». Нужны ли комментарии к этим отрывкам из французского дневника, когда здесь что ни географическое название, что ни факт — то живая летопись 1941 и 1942 годов — летопись, ведущаяся на листах газет?

Подле Вязьмы французский офицер, дрожа от стужи, заносит в дневник: «Холод увеличивается, истощение солдат, ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие».

В другом французском — солдатском — дневнике читаем: «Дорога была вся усеяна ценными предметами, картинами, канделябрами и множеством книг».

Чей воровской след описывается здесь — армии Наполеона, отступавшей из Москвы, или полчищ Гитлера, грабивших Можайск, Волоколамск, Истру, Калугу, Калинин?

Голландским учителям, приведя эту запись сержанта Бургоня, оставалось сделать лишь небольшую паузу, чтобы дать ученикам время самим ответить на этот нехитрый вопрос.

Но дорога от Москвы на запад была усеяна не одним награбленным добром, выпавшим из отморозенных рук грабителей.

«Дорога была усеяна неприятельскими трупами, — свидетельствует современник (записки Н. Муравьева). — Счел я однажды, сколько

их на одной версте лежало, и нашел от одного столба до другого 101 труп; на иных верстах валялось их может быть и до трехсот... Места, где французы почевали, обозначались грудями замерзших людей и лошадей. Я сам видел в Борисове шалаш, выстроенный из замерзших, окостенелых тел. — шалаш, под коим умирали сами строители».

Эту дорогу смерти легко узнать в летучих сообщениях корреспондентов газет, едущих с советскими войсками вслед за отступающими немецкими оккупантами.

Возможно, напомнили голландские учителя и Пушкина и его стихи, обращенные к врагам русского народа:

**Есть место им в полях России
Среди не чуждых им гробов.**

Рассказали также и о том, куда привела Наполеона эта дорога смерти через русские поля.

Гитлер отлично знает этот роковой маршрут Наполеона. Он знает и то, что сам давно уже начал этот маршрут по тем же дорогам, с теми же географическими именами, — начал и все быстрее и быстрее движется по роковому пути.

Вот почему «оккупационные власти в Голландии запретили специальным декретом всякое упоминание на уроках истории о Наполеоне».

Гитлер хочет зачеркнуть грозный урок. Он может сделать это в голландских школах. Но — увы! — он бессильен вырвать эти страницы из всемирной книги истории, которая для него будет книгой суда и возмездия.